

© 2006 г.

Р.Х. СИМОНЯН

РЕФОРМЫ В РОССИИ 1990-Х ГОДОВ; ОБ АРГУМЕНТАХ "ЗА"

СИМОНЯН Ренальд Хитрович - доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН.

Сегодня в России немного защитников содеянного в 1990-х годах реформаторами. Они выдвигают аргументацию, которая частично анализируется в этой статье. Сначала об экономических категориях. Доходы от приватизации в России лишь в 2,5 раза больше, чем в Латвии (3,315 млрд. долл.), и в 1,6 раза меньше, чем в Венгрии (12,676 млрд. долл.). В России на каждого жителя доходы от приватизации составили 54,6 долл., в Венгрии - 1253 долл., в Латвии - 1286 долл. [1]. Американские экономисты П. Редуэй и Д. Глински в книге "Трагедия российских реформ" пишут: "В период Второй мировой войны валовый внутренний продукт в СССР сократился на 24%, в период Великой депрессии в США ВВП сократился на 30,5%, в период с 1992 по 1998 гг. ВВП в России сократился на 44%, а промышленное производство уменьшилось на 56%" [2, с. 249]. Более пяти лет Россия живет в условиях благоприятной мировой конъюнктуры на рынке углеводородного топлива. Поэтому нынешний рост ВВП не может считаться заслугой реформаторов, так как 90% его прироста составляют цены на энергоносители. А Россия все больше становится сырьевым придатком не только Запада, но и азиатских стран. Можно ли было предполагать в начале 1990-х годов, пишет директор Института экономики РАН проф. Р.С. Гринберг, "что после почти уже 15-летнего реформирования экономика страны не только не выйдет на качественно новый уровень по критерию диверсификации производства и доле товаров с высокой добавленной стоимостью, но, наоборот, окажется еще более примитивной, чем в позднесоветские времена"? [3, с. 41].

Предмет гордости российских реформаторов - отпуск цен начала 1992 г., после чего прилавки наполнились товарами. Напомню: отпуск цен - тривиальный акт при упразднении административно-плановой экономики. Все постсоциалистические страны Европы на старте реформ освободили от 80 до 85% цен. Но, в отличие от России, они смягчили денежные потери населения, прежде всего, малообеспеченного слоя, компенсаторными механизмами [4]. Даже советские денежные реформы, например, 1947 г. компенсировали потери наименее состоятельных вкладчиков. Российские младореформаторы превзошли в "большевизме" и Сталина и Хрущева, отняв у стариков последние сбережения.

В политической сфере в России либеральные идеи не имеют широкой социальной базы. Обращение общества к ним отличает лишь отдельные периоды российской истории XIX-XX вв. Десятилетие, охватывающее вторую половину 80-х и первую 90-х годов XX в., было именно таким периодом. Популярность того, что связано со свободой личности, индивидуальностью, инициативой стремительно возрастала в российском обществе, к началу 1990-х годов захватив значительную, если не большую, причем са-

мую продуктивную часть населения. В обществе возникла широкая социальная и психологическая основа реализации либеральных и демократических идей. Осенью 1991 г. публицист Юрий Карякин выразил мнение большинства; "Впервые в этом столетии Бог улыбнулся России" [5]. У государственной власти был великолепный шанс для создания цивилизованной свободной рыночной экономической системы в России и быстрого экономического развития. **Но российские реформаторы не только не воспользовались этой возможностью, но, по существу, сделали все, чтобы опорочить ценности свободы в глазах населения. То, что происходило в России в 1990-е годы, вызывало в общественном мнении негативное, даже враждебное отношение и к ценностям свободы, и к понятию "демократия".** Оно оказалось синонимом воровства и коррупции, а либеральная идея настолько скомпрометировала себя, что к концу 1990-х гг. масштаб неприятия либеральных и демократических ценностей создал предпосылки возврата к авторитарному режиму. **Дискредитация демократии и создание предпосылок авторитаризма - общественно-политический итог деятельности реформаторов в 1990-х годах. В этом их историческая вина и перед народом, и перед государством. Нынешнее свертывание демократических свобод, насаждение элементов тоталитарного режима - следствие деятельности реформаторов.** Тенденции, характерные для нынешней власти, - логичный итог прошедшего десятилетия. Следует признать, что **ориентации и установки нынешней власти сегодня отвечают потребностям значительной части общества.** А беспрецедентное давление на общественное сознание и подтасовка итогов выборов президента в 1996 г., осуществленное тогда российской властью (теперь олигархи, финансировавшие эту кампанию, каются в этом), изменило вектор политического развития страны. Общество пожинает плоды, посеянные реформаторами 1990-х гг. Нынешняя политическая надстройка завершает созданный в России 1990-х годов экономический базис. В результате реформ отчуждение население от власти усилилось. "Как человек, который с 1990 года участвует в государственном управлении в России, - свидетельствует М. Делягин, - могу сказать, что за 7 лет наши демократы оторвались от основной массы населения гораздо сильнее, чем коммунисты за прошедшие 70 лет!" [6, с. 6].

О социальных итогах. По официальным данным сегодня в России 26 миллионов человек находятся ниже уровня бедности. В январе 2004 г. директор Всероссийского центра уровня жизни В. Бобков сообщил, что к настоящему моменту треть населения России составляют бедные, одну треть - низко- и среднеобеспеченные. И только 10% - состоятельные и богатые [7]. Нищенская оплата труда в сфере здравоохранения и образования, науки и культуры. Американский историк С. Коэн пишет, что десятилетие реформ есть "процесс разграбления, обнищания, **демодернизации** и дестабилизации России", а заверения, что-де единственный выбор России - это выбор между "шоковой терапией" и "возвратом к коммунизму", есть не что иное, как ложь" [8, с. 11]. Утрата социальной солидарности, социальное разобщение, которое усиливается - один из социальных итогов последнего десятилетия.

Важная составляющая социальной цены радикальных экономических реформ в России — *пренебрежение нравственно-психологическим миром человека.* Искоренение морально-этической компоненты из бытия деформирует жизнь человека: социальная индифферентность, принимающая крайние формы, побуждает к уходу в себя. Человек сначала с безразличием, а затем все более неприязненно относится ко всему, что его окружает, "...наиболее важным фактором, по сравнению с экономическим, была социальная психология новой системы, отличительной чертой которой стало всеобщее моральное равнодушие, - пишет Д. Саттер. - Если при коммунизме универсальные моральные принципы отвергались в пользу предполагаемых "интересов рабочего класса", то при новом правительстве люди разучились различать законное и преступное". Коррупция, совмещение служебных обязанностей с воровством воспринимались чиновниками как "норма" и считались доблестью, К вымогательству стали относиться как к должному, вымогательство рассматривалось как часть дела. Должностные лица не отвечали за последствия действий. Чиновники помогали организовыв-

вать финансовые пирамиды, вводили в заблуждение людей, и без того нищих и беспомощных. Правоохранительные органы брали взятки у преступных группировок, директора заводов крали средства, предназначенные для заработной платы рабочим, которую месяцами не платили [9, с. 10]. Независимые эксперты напоминают российскому руководству, что коррупция поражает, прежде всего, нервные центры общественного организма. Массовая коррупция ведет к массовому неисполнению чиновниками обязанностей, к параличу управления, признаки которого в нынешней России все заметнее. Это относится и к чеченской войне. Как поет Олег Газманов: "Можем ли мы победить, если нас можно купить?".

О нравственно-психологических итогах. Более двух третей причин депопуляции россиян связано с такими социально-психологическими феноменами постсоветского периода, как социальная депрессия, апатия и агрессия [10]. Резкий акцент на обогащении любой ценой оказался для части населения России психологической травмой, источником личных трагедий и общественных патологий. "Современное российское общество - это больное общество, - пишет В. Кичин, - и все наши усилия по подъему экономики, боевого духа растерянной армии и патриотических настроений в обществе будут абсолютно бессильными, пока мы не поймем и не начнем лечить главную причину недуга - всеобщее падение морали" [11]. Академик Г.В. Осипов, анализируя динамику социальных, экономических и демографических показателей 2003 г., пришел к выводу, что "спустя двенадцать лет после начала реформ страна продолжает находиться в состоянии системного кризиса. Его основной причиной является избранный путь реформ, в результате которого осуществлен антinationальный передел собственности" [12, с. 34]. Разложение правящей верхушки проникло во все слои общества. "Новая власть, что обосновалась в Кремле после декабря 1991 г., совершила невероятное, - пишет С. Говорухин, - превратила страну в лагерь уголовников. С уголовными законами, с уголовной моралью... Под видом класса собственников она создала класс воров" [13, с. 35].

В России итоги приватизации оказались противоположными, чем в странах Балтии. И это не результат заблуждений или ошибок реформаторов, это итог политики. Идеи реформаторов, называвших себя либералами, были, в сущности, примитивными. Младореформаторы создали систему, исключавшую промышленную модернизацию, экономическое и социальное развитие. Вся энергия и все ресурсы новых собственников были направлены на финансовые махинации и казнокрадство. На типичном примере генерал А. Лебедь охарактеризовал этих людей; "Березовский - апофеоз мерзости на государственном уровне; этому представителю небольшой клики, оказавшейся у власти, мало просто воровать - ему надо, чтобы все видели, что он ворует совершенно безнаказанно" [14]. Население России ожидало, что теневые операции перерастут в законный бизнес, но произошло обратное; черный рынок засосал новые предприятия. Новый российский бизнес загнан в мир организованной преступности.

Экономические реформы в России 1990-х годов осуществили образованные и профессиональные функционеры. В суде самый примитивный вор редко признается в преступлении, всегда найдет обстоятельства, побудившие его к этому поступку, укажет на предопределенность ("другого выхода не было"). Создать аргументацию, обосновывающую безвариантность реформ, их авторам не представляло труда. Тем более что, получив огромные финансовые ресурсы, можно купить СМИ и использовать их в идеологическом обеспечении раздела "добычи".

Что это за аргументация? *Во-первых*, апелляции к "новизне" процесса приватизации, к "неготовности общества" звучали впечатляющие, хотя любые общественные преобразования априори содержат в себе новизну. Но это доводы "раннего периода" реформ, первых полутора-двух лет. Потом они исчезли из оборота: ведь во всех постсоциалистических странах значительная часть населения не была готова к преобразованиям. Парламентские выборы в Польше, Чехии, Венгрии, Литве и других постсоциалистических странах во второй половине и в конце 1990-х гг. это убедительно показали. Именно голоса тех, кто "не был готов к решительным социальным переменам"

дали победу партиям левого политического спектра (бывшие коммунистические, социал-демократические), что позволило сбалансировать экономику, ослабить напряжение, учесть интересы не сумевших адаптироваться к рынку. Приход во власть левых и левоцентристских политиков в этих странах избавил экономику от чрезмерной либерализации, что оказалось полезным для экономики, гражданского мира и общей политической атмосферы. Такую роль могли сыграть в России президентские выборы 1996 г., если бы не беспрецедентное манипулирование общественным мнением.

Во-вторых, необходимость платить зарплату. В общественное сознание нагнеталась мысль, что лишенные зарплаты рабочие выйдут на улицы. Но когда задержки заработной платы в России стали достигать в 1994-1996 гг. 10 и более месяцев, исчезли ссылки на оправдание срочной продажи предприятий необходимостью платить зарплату. С этим аргументом связаны курьезы; зарплату переставали платить тогда, когда рентабельные предприятия переходили из государственной собственности в частную. Прибыль Волжского автозавода, продукция которого пользовалась спросом на внутреннем рынке, через дилеров вроде "ЛогоВАЗа" Б. Березовского уходила в зарубежные, в том числе оффшорные, банки. К концу 1995 г. дилеры задолжали заводу 1,2 млрд. долларов - более трети оборота предприятия. Завод не мог не только выплачивать зарплату, но и платить налоги, оплачивать электроэнергию, не говоря о модернизации. К 1996 г. автогигант, не имея трудностей сбыта, стал крупнейшим должником [15].

Третий довод: благодаря реформам в 1992/1993 гг. удалось избежать массового голода. Но этот аргумент напоминает заслуги газетчиков в организации солнечного затмения из "Записных книжек" И. Ильфа. Обойтись без голода удалось не благодаря Гайдару, Чубайсу и Коху, а потому, что русский народ способен приспособливаться. В 1992 и 1993 годах россияне спасались картофелем. Миллионы горожан в свободное время вынуждены были работать на огородах.

Четвертый: отсутствие теории перехода от социализма к капитализму веско подавалось общественному мнению в ранний период реформ. Опять-таки, постсоциалистические страны совершали этот переход, и всем были доступны связанные с этим разработки. Отсутствие теории - изобретение для прикрытия интересов. Научный задел и в СССР, и в странах Восточной Европы был, имелись наработки перехода к новым экономическим отношениям, многообразию форм хозяйствования. Среди российских экономистов было направление либерально ориентированных специалистов, представленное руководителями ЦЭМИ РАН - С. Шаталиным и Н.Федоренко. Если в начале перестройки имела место теоретическая непроработанность проблематики трансформационного процесса, пишет академик А. Некипелов, "со временем все большую роль начинают играть сформировавшиеся на базе проводившейся политики интересы тех групп, которые получали от ее реализации наибольшую выгоду". По мере роста appetитов этих групп росло их воздействие на массовое сознание, оформленное в виде идеологизации экономической политики [16, с. 301, 302], манипулирование общественными настроениями, создание мифов.

Пятый: Россия была лишена помощи Европейского Союза. А восточноевропейские страны и страны Балтии, изначально желавшие вступить в ЕС и НАТО, эффективно провели реформы при помощи кандидатского стажа, необходимого для вхождения в эти организации, и **строгого внешнего контроля** стран-членов. Кто мешал российскому руководству добиться финансовой и организационной помощи от Западной Европы, которая была заинтересована и готова к этому, тем более что отношения с лидерами ЕС (вспомним "друга Коля") позволяли делать это оперативно. Однако: нужен ли был российским реформаторам - особенно в проведении приватизации - строгий европейский контроль? Помощь Евросоюза в начале 1990-х гг. пригодилась бы российскому государству, но лишила бы олигархов возможности стать олигархами.

Шестой: менталитет россиян отличает их от представителей европейских народов. "Азиатской" ментальности населения России - популярный аргумент реформаторов - Гайдар в книге "Государство и эволюция" уделит значительное место. Имея в виду

страны с неевропейской ментальностью: Япония, Южная Корея, Тайвань, Малайзия и др., этот аргумент вызывает серьезные сомнения. Ментальность населения важна в политической организации общества, но не имеет решающего влияния в создании рынка, эффективного предпринимательства, что показали успехи экономики Российской империи в конце XIX - начале XX в. и демонстрирует в течение последних двадцати пяти лет континентальный Китай.

Седьмой: огромные масштабы страны. Но в Китае населения в 10 раз больше, и масштаб задач перед реформаторами стоял никак не меньший, а реформы идут успешно более 20 лет. В Индии население перевалило за миллиард, внутренних проблем на порядок больше, чем было у нас в начале 1990-х, а страна интенсивно развивается.

Восьмо: Недостаточная доля частного сектора. К 1992-му году, в канун реформ, доля частного сектора в экономике России была несколько не меньше, чем в Польше. В условиях дефицита товаров народного потребления население Советского Союза вынужденно переходило на негосударственные формы не только распределения, как признавалось официально, но и производства, что проявилось в различных формах "теневой экономики". В нее была вовлечена значительная часть населения, а "агенты" теневого рынка к середине 1980-х составляли весомый и влиятельный социальный слой. Объем капитала в собственности советских коммерсантов составлял к началу 1990-х годов, по оценкам, от 4 до 6 млрд. долларов, что в сравнительных масштабах было не меньше, чем в социалистических странах Восточной Европы,

Наиболее сильно проявилась тенденция негосударственного производства и распределения (снабжения) продуктов питания. Здесь был теневого рынок, но главным было другое. Значительная доля населения страны обеспечивала себя продовольствием без участия государства. Жители малых городов и сельское население производили продукты питания на приусадебных участках, а излишки реализовали на так называемых колхозных рынках, где тон задавали частные производители и перекупщики. К середине 1980-х годов в стране возникла достаточная сеть частных производств, в том числе, в пригородах (цветы, зелень, ранние овощи и пр.): парники, централизованные энерго-, водоснабжение, и, что особенно показательно, в отдельных случаях наемная рабочая сила. Доля частного производства в товарообороте, по оценкам, составляла минимум 12-15%.

Особой группой советских частных предпринимателей были руководители подразделений предприятий легкой и пищевой промышленности (т.н. "цеховики"), часть продукции выпускавших для теневого распределения. Эта продукция, несмотря на низкие потребительские качества, покрывала часть неудовлетворенного спроса населения на товары широкого потребления. «Теневые отношения в любую эпоху выполняют функцию *ослабления социального напряжения*, - пишет В. Радаев. - В советские годы теневая сфера служила своего рода амортизатором жесткого бюрократического регулирования, "очеловечивая" формальную регламентацию и ослабляя тем самым административный контроль, [17, с. 52].

То есть, значительная часть населения Союза была продвинута в сферу рыночных отношений, слой предпринимателей присутствовал в структуре общества. Ссылка реформаторов, в большинстве своем профессиональных экономистов, на "неготовность населения России к рыночным отношениям" - очередное изобретение. Даже в правящей верхушке, как оказалось впоследствии, обнаружилась готовность к капитализму: 54% новой "демократической" номенклатуры в России входили в партийные номенклатуры 1980-х гг. [18, с. 51].

И чем глубже советская экономика входила в кризис, тем интенсивнее развивалась производительная самодеятельность (в том числе и теневая) населения. Поэтому стереотип иждивенческой психологии советских людей применим в рамках конкретных, локальных границ. Концепция "иждивенчества" населения в 1990-е годы идеологически подпитывала аргументацию реформаторов о неготовности общества к переменам, что не отвечало сложившимся реалиям. **Наоборот, ко второй половине 1980-х гг.**

часть населения страны осваивала частное предпринимательство или, по меньшей мере, была ориентирована на радикальные социально-экономические преобразования.

Девятый: отсутствие среднего класса в России в отличие от европейских социальных стран. В процессе перехода СССР в постиндустриальную стадию в его социальной структуре в 1970-80-е годы стали накапливаться если не элементы, то предпосылки образования гражданского общества - появление слоя преподавательской, технической и научной интеллигенции, управленцев среднего звена, деятелей культуры. В России к началу 1990-х годов сложился многочисленный средний класс, не только активный политически (масштабы митингов в Москве, Ленинграде, Свердловске и др. городах это наглядно показали), но и экономически (что подтвердило кооперативное движение конца 1980-х годов). В него входили группы интеллигенции и высококвалифицированных рабочих. Их интеллектуальный и творческий потенциал в масштабах общества был не меньше, чем в странах Восточной Европы, в Латвии, Литве или Эстонии. Характерными чертами многих представителей этого класса были не только общественный статус, уровень образования и доходов, но и самостоятельность мышления, высокая самооценка и чувство собственного достоинства, способность противостоять внешнему давлению. Особенно был заметен этот слой в крупных промышленных городах. Научно-техническая и творческая интеллигенция концентрировалась в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Свердловске, Горьком, Казани, Томске и др. Здесь Россия имела преимущество перед другими союзными республиками. Но инновационный кадровый потенциал не был задействован реформаторами в новой России. Более того, этот слой испытал наибольшую экономическую и социальную депривацию в процессе реформ. От него реформаторы старались как можно быстрее избавиться. Многие были выброшены на обочину социальной жизни, эмигрировали. Один из главных факторов перехода к либеральному рынку и демократическому государству - творческий ресурс населения - оказался в России разрушенным.

Добавлю, что в России существовала многочисленная и влиятельная этническая группа (не меньшая, чем в Прибалтике), которая была готова сыграть роль катализатора перехода от директивной экономики к либеральной. Это - евреи, о которых В. Зомбарт писал, что их присутствие даже в качестве малой доли населения страны дает ей дополнительные возможности быстрой и эффективной капитализации хозяйственной жизни [19]. Но и этот потенциал не был использован в общественно-государственных целях.

А если иметь в виду самых сильных игроков на поле частного бизнеса, то в Балтии не было социальной группы зарубежных резидентов советской разведки, создателей и работников коммерческих фирм, банков, компаний, задача которых заключалась в продаже на Запад по мировым ценам российской нефти, золота, древесины и т.п., закупленных по внутренним ценам. Разница предназначалась для поддержки компартий, дружественных правительств, покупки оружия для национально-освободительных армий и обеспечения прочих направлений советской внешней политики. После того, как судьба КПСС стала очевидной, официальные советские коммерсанты переключили "деньги партии" на частные нужды. Западные эксперты считают, что финансы оффшорных банков ввели в оборот советские резиденты-нелегалы, которые хорошо знали западный рынок. Поэтому плач об отсутствии опыта частной коммерции у россиян, - лукавство российских реформаторов. По существу, олигархи делали тот же бизнес, что и советские резиденты: продавали по внешним ценам то, что купили по внутренним в России, а разницу оставляли себе на оффшорных счетах.

Десятый. В промышленности России было много нерентабельных предприятий. Но это проблема и для Чехии, и для Польши, и для России. Государственные нерентабельные предприятия есть и в развитых странах Запада. Доля в экономике России военно-промышленного производства была, разумеется, выше, чем в странах Балтии, но не настолько, чтобы всерьез оправдывать неуспехи экономических реформ. Наоборот, высокие технологии этого производства могли стать основой модернизации промышленности, не говоря уже о том, что экспорт оружия давал в бюджет СССР и

России (но не Латвии, Литвы и Эстонии) значительные поступления. Производство оружия в современном мире - критерий принадлежности к сообществу технически передовых стран.

И, наконец, **одиннадцатый**: отсутствие традиций цивилизованного рынка. Этот аргумент, оказавший влияние на общественную атмосферу, сложившуюся вокруг реформ, социологически очень важен. Общественному сознанию были навязаны мифы и стереотипы, внедрялись представления о русских купцах как нечистоплотных, малообразованных людях, обманщиках и ворах, что обобщалось как неизбежное зло, заложенное в национальном характере русских. Эта мифология создала идеологическую основу оправдания российских реформаторов. Если обобщить высказывания российских СМИ в 1992-1995-гг., то схема капитализации выглядит просто. Первые капиталы в Англии возникли благодаря, в частности, пиратам, грабившим испанские, португальские, голландские и французские суда. Не стану защищать английских корсаров XVI века, большинство из которых находились на службе Ее Величества, то есть, являлись государственными служащими, а Дрейк и Рейли входили в придворную свиту. Но подчеркну, что идеологи российских реформ никогда не сравнивают их с аналогичными реформами в странах Балтии и Восточной Европы, что, казалось бы, и естественно, и логично, и правомерно. Свои реформы они предпочитают сравнивать с реформами почти пятисотлетней давности, происходившими в качественно иных условиях. Что касается зарождения американского капитализма, то трудоспособности жителей Новой Англии, освоивших за короткий исторический срок огромный континент, могли позавидовать в XVI и последующих веках все ведущие капиталистические страны Европы. Один из отцов-основателей США Бенджамин Франклин, подчеркивая разницу в отношении к труду англичан и американцев, называл Америку "страной труда", и это определение одного из авторов Конституции США соответствует отношению к труду американцев и сегодня. Среди трех главных черт американизма Джордж Сантаяна первой назвал волю к труду [20, р. 196]. Разумеется, и в Америке, как и в других и западных, и восточных странах не обошлось без мошенников и гангстеров, но не уголовники и их потомки создали богатство и финансово-промышленную элиту американского общества.

Представления о первых российских предпринимателях, о русском купечестве оскорбительны. Первые поколения российского предпринимательского сословия заслуживают более уважительной оценки. Русское предпринимательство в основном вышло из старообрядческой среды, которая дала России большинство купеческих династий. Еще в XVII веке появились типажи, не уступающие западноевропейским, с отношением к труду как к обязанности, долгу и призванию человека. Многие исследователи отмечают, что церковный раскол ускорил развитие частной инициативы в России. Старообрядцы стали образцом энергии и инициативы. "Для раскольника, - отмечает М. Жунин, - церковная книжность была умственной гимнастикой, школой принятия решений на основе личных суждений, необходимой для успеха в торгово-промышленной сфере" [21]. Умеренные во всем, старообрядцы славились в России умением упорно, почти без отдыха, трудиться - и что немаловажно - абсолютным трезвенничеством. Моральные ценности и требования этой среды были во многом выше императивов западной протестантской этики. Один из крупнейших русских предпринимателей В.П. Рябушинский заметил: "Родовые фабрики были для нас то же самое, что родовые замки для средневековых рыцарей" [22, с. 78]. Абрикосовы, Алексеевы, Аршиновы, Бахрушины, Большаковы, Боткины, Гучковы, Зимины, Коноваловы, Корзинкины, Красильщиковы, Крестовниковы, Кузнецовы, Мазурины, Мамонтовы, Морозовы, Найденовы, Прохоровы, Рябушинские, Смирновы, Солдатенковы, Солодовниковы, Строгановы, Третьяковы, Ушаковы, Филатовы, Хлудовы, Чурины, Швецовы, Шустовы, Щукины, Якупчиковы и сотни менее известных высокопрофессионально вели коммерческие дела, отличались образованностью и *исключительной нравственной чистотой*.

Как отметил М. Кастельс, "веберовский анализ корней капиталистического развития впоследствии был поставлен под вопрос учеными, которые убедительно указыва-

ли на альтернативные исторические формы, поддержавшие капитализм столь же эффективно как англосаксонская культура, хотя и в иных институциональных формах" [23, с. 194]. Традиции предпринимательства, стремительно оформившегося к началу XX века в один из самых передовых в Европе того времени социальных слоев активных собственников, являют собой такую продуктивную альтернативную форму. Эти факты замалчивались и искажались в советские времена и в период становления нынешнего российского номенклатурного капитализма. **Новым хозяевам России было крайне необходимо, чтобы в общественном сознании укрепилась мысль о безальтернативности проводимого ими криминального способа проведения экономических реформ, о том, что "так было всегда и везде", что исторически нет иного варианта. Образы ловкого вора, умелого афериста, безжалостного бандита должны были символизировать "естественные" представления о социальном составе новых собственников.** Срочно востребованная марксистская фразеологема "первоначальное накопление капитала" приобрела в нынешней России почти сакральный характер. Глубокомысленное в лексиконе российских реформаторов словосочетание "первоначальное накопление капитала" приобрело не только статус *ultima ratio*. А олигархический капитал, обнищание народа, миллионы беспризорных детей, депопуляция населения **индоктринируется** в общественное сознание как фатальная неизбежность хозяйственной реформации, как **обязательная** плата за освобождение от планово-распределительной экономики.

Цитирование Карамзина: в России воруют - любимое занятие наших либералов, К этому можно отнести и ставшее классическим бальзаковское "все большие состояния нажиты нечестным трудом". Такие замечания можно найти у классиков английской литературы XVIII века, когда в Англии размеры коррупции стали опасными для общества. И социальная, и нравственная патология, так же как и физическая, будет, вероятно, всегда сопутствовать существованию рода человеческого. К этому следует относиться как к исторической реальности. Но дело не столько в самой коррупции, сколько в **отношении к ней со стороны общества**. Там, где господствует ее всеобщее осуждение, где это занятие вызывает у людей брезгливость, там коррупция сведена к минимуму, загнана в моральную резервацию и не представляет общественно значимой угрозы.

Но если общество поощряет уродство, возводит патологию в норму, оно деградирует и разрушается. Популяция, в которой доминируют аномалии, генетически беззащитна. Среда, в которой слово "умный" является оскорбительным, а слово "честный" означает общественный приговор, находится в стадии риска социального вырождения. Привычной реакцией самозащиты российских взяточников и казнокрадов является утверждение о всеобщности этого явления. Действительно, даже в скандинавских странах существуют такие лица. Но сколько их там? По статистике, не более 0,01% персонала государственных учреждений [24, р. 78]. Именно в соблюдении "санитарных норм" заключено различие между здоровым и больным обществом. Когда в осенне-весеннем сезоне гриппом болеют не более 1% населения, это считается нормальной ситуацией, но когда больных более 10% - объявляют карантин. После реформ 1990-х годов Россия нуждается не только в карантине, но в мерах средневековой Европы, когда там свирепствовали чума и холера. В России к концу 1990-х годов фактор российской специфики не имел значения, которое ему приписывают реформаторы. Определяющая роль заключалась в целях экономических преобразований и приватизации, в частности. Что задумали, то и сделали. Гайдаровское правительство по сути дела простимулировало создание коррумпированного государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Устинов И. Приватизация по-российски // Независимая газета. 2001. 17.04.
2. См.: Reddaway P., Glinski D. The Tragedy of Russian Reforms: Market Bolshevism against Democracy. Washington, D.C., 2001.

3. *Гринберг Р.* Место и шансы России в мировой экономике // Проблемы теории и практики управления. 2004. № 5.
4. Уроки социально-экономических преобразований в Центральной и Восточной Европе / Ред. *О.Т. Богомолов*. М., 1996.
5. Московские новости. 1991. 18.9.
6. Капиталист. 2004. № 9 (77).
7. Российская газета. 2004. 22.01.
8. *Коэн С.* Провал Крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М., 2001.
9. *Саттер П.* Тьма на рассвете. Возникновение криминального государства в России. М., 2004.
10. См. *Гундаров И.А.* Демографическая катастрофа в России: причины, механизмы, пути преодоления. М., 2001.
11. *Кичин В.* Мы перестали быть семьей // Российская газета. 2003. 23.10.
12. *Осипов Г.В.* Российская социология в XXI веке. М., 2003.
13. *Говорухин С.* Великая криминальная революция. М., 1993.
14. Le Figaro. 1997. 17.04.
15. Сегодня. 1997.01.08.
16. *Некпелов А.Д.* Очерки по экономике посткоммунизма. М., 1996.
17. *Радаев В.В.* Экономическая социология. М., 1999.
18. См.: *Яковлев А.А.* Взаимодействие групп интересов и их влияние на экономические реформы в современной России // Мир России. 2003. № 4.
19. См.: *Зомбарт В.* Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. М., 2004.
20. *Santa-yana G.* Character and Opinion in the United States. New York, 1921.
21. *Жунин М.М.* Просвещенный купец - украшение старой веры // Мир России. 1998. № 3.
22. *Бурьшкин П.А.* Воспоминания о московском купечестве. М., 1994.
23. *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000.
24. *North Douglass C.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, 1997.